

су о совещательной и представительной модели управления государством [11, с. 57-59].

Дискурс-анализу боснийской войны посвящена книга Л. Хансен, в которой автор не просто предлагает совершить попытку анализа балканского конфликта, а – конструирует многоаспектную методологическую схему дискурсивного анализа [8]. Л. Хансен, обобщая работы по проблемам методологии дискурс-анализа, акцентирует внимание на необходимости жанровой дифференциации текстов, подвергающихся исследованию (например, мемуаров и путевых заметок). Центральное место отводится понятию “Другого” и его исследованию в рамках уже не только генеалогического метода, но и полноценного дискурсивного анализа.

Таким образом, неоднозначная методология исследования формирования коллективной идентичности в рамках отношения “Я/Другой”, построенная на философии диалогического мышления, тяготеет в большинстве работ к постструктуралистскому пониманию мира политического и некоторым формам так называемого интерпретативного конструктивизма.

Таким образом, проблема методологии исследования коллективной идентичности с использованием “Другого” не просто актуализирована, а – на протяжении последнего десятилетия – активно разрабатывается и обретает более или менее отчетливые концептуальные рамки. Уже много было сказано в данной главе о широком применении дискурсивного и постструктуралистского анализа, включающего в себя нелинейное изучение дискурсивной последовательности. В целом, данное направление обретает все признаки научной строгости, которая сочетается с критикой объективизма. Важнейшей составной частью академической дискуссии становится рефлексия исследователей по поводу роли науки в конструировании объекта исследования. Как известно, в науках о человеке субъект и объект исследования совпадают, поэтому частичный отказ от картезианского дуализма становится закономерным результатом усовершенствования методологии. На передний план в такой ситуации приходит принцип диалогического мышления, способный не просто вскрыть специфику формирования идентичности, но также – опираясь на принцип амбивалентности субъектов – дает абсолютно новое видение всей системы мировой политики.

Список использованных источников

1. Морозов В. Понятие государственной идентичности в современном теоретическом дискурсе / В. Морозов // Международные процессы. – 01–04.2006. – № 1(10). – Т. 4.
2. Нойманн И. Использование “Другого”: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Нойманн [пер. с англ. В. Б. Литвинова и И. А. Пильщикова, предисл. А. И. Миллера]. – М. : Новое издательство, 2004.
3. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Э. В. Саид [пер. с англ. А. В. Говорунова]. – СПб. : Русский Мир, 2006 – С. 23-24.
4. Эпштейн М. Потрясенная Америка: “Кто виноват?” и “Что делать?” [Электронный ресурс] / М. Эпштейн // Русский журнал. – 13.11.2001 – Режим доступа: http://old.russ.ru/ist_sovr/20011113_ep.html.
5. Alker H.R. The Humanistic Moment: Thucydides and Las Casas / H.R. Alker // International Studies Quarterly. – 1992. – Vol. 36. – № 4.
6. Browning C.S. The Internal/External Security Paradox and the Reconstruction of Boundaries in the Baltic: The Case of Kaliningrad / C.S. Browning // Alternatives. – 2003. – Vol. 28. – No 5.
7. Browning C. Regionality Beyond Security? The Baltic Sea after Enlargement / C. Browning, P. Joenniemi // Cooperation and Conflict.

– 2004. – Vol. 39. – No 3.

8. Hansen L. Security as Practice: Discourse Analysis and the Bosnian War / L. Hansen. – London ; New York : Routledge, 2006.

9. The Baltic Sea Area: a Region in the Making / Jervell S. [et al]. – Oslo : Europa-programmet ; Karlskrona: Baltic Institute, 1992.

10. Joenniemi P. Can Europe Be Told from the North? Tapping into the EU's Northern Dimension / P. Joenniemi // In: Encountering the North. Cultural Geography, International Relations and Northern Landscapes / S. Pehkonen, F. Moller (eds.). – Aldershot : Ashgate, 2003.

11. Joenniemi P. Kosovo and the End of War / P. Joenniemi // In: Mapping European Security After Kosovo / P. van Ham and S. Medvedev (eds.). – Manchester : Manchester University Press, 2002.

12. Restall M. Seven Myths of the Spanish Conquest / M. Restall. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2004.

13. Shapiro M.J. The Politics of Representation / M.J. Shapiro. – Madison : University of Wisconsin Press, 1988.

14. Todorov T. The Conquest of America: The Question of the Other / T. Todorov. – New York : Harper Perennial, 1991.

15. Todorova M. Imagining the Balkans / M. Todorova. – Oxford : Oxford University Press, 1997.

16. Wendt A. Collective Identity Formation and the International State / A. Wendt // American Journal of Sociology. – 1994. – Vol. 88. – No 2.

17. Wendt A. Social Theory of International Politics / A. Wendt. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999.

Iokhim A. M., graduate student of the Department of Comparative Politics, Lomonosov Moscow State University (RF, Moscow), sv@diss.kiev.ua

The issue of the “Other” and the formation of collective identity in international politics

The article discusses methodological issues and research directions of the conceptual opposition “Self/ Other” in the context of the formation of collective identity in the global political discourse. Special attention is paid to the studies on the formation of collective identity in modern Europe.

Keywords: “Other”, collective identities, discourse, constructivism, international relations.

Ioxim A. M., аспірант кафедри порівняльної політології, Московський державний університет ім. М. В. Ломоносова (РФ, Москва), sv@diss.kiev.ua

Проблема “Іншого” та формування колективної ідентичності в міжнародній політиці

У статті аналізуються методологічні аспекти та напрямки досліджень концептуальної опозиції “Я/Інший” в контексті формування колективної ідентичності у світовому політичному дискурсі. Особливу увагу автор приділяє розробкам, присвяченим проблемам формування колективної ідентичності сучасної Європи.

Ключові слова: “Інший”, колективна ідентичність, дискурс, конструктивізм, міжнародні відносини.

* * *

УДК 321:342.4

Мамедов Р. К.
доктор философии по праву, доцент факультета права,
Бакинский государственный университет
(Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

О ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ АСПЕКТАХ АГРЕССИИ

Настоящая статья посвящена одному из значительных проблемам современного мира – вопросам правовых и политических аспектов агрессии. Автор правильно определяет роль агрессии в межгосударственных отношениях. Детально анализируется устав и различные резолюции ООН, Конвенции, международные пакты, связанные с исследуемой темой, а также Устав Нюрнбергского военного трибунала. Примечательно, что вопросы агрессии рассматриваются в контексте Армяно-Азербайджанского, Нагорно-Карабахского конфликта.

Ключевые слова: агрессия, акт агрессии, преступление агрессии, Международный Уголовный Суд, Барселона Тракии, международное уголовное право, международные отношения.

(статья друкється мовою оригіналу)

Агрессия политико–правовое понятие со значительными возможностями воздействия на систему международных отношений и поэтому поводу ей придается особое значение, как серьезной проблеме в межгосударственных отношениях. Несмотря на то, что запрещение агрессивной войны в международном праве и практике международных отношений, международный преступный статус агрессии и вызывание международной личной преступной ответственности имело большое значение, первая попытка кодификации данной проблемы в позитивном международном праве предпринята в конце XIX и I половине XX века [2, с. 205; 12, р. 74–91; 7, р. 117–148]. Причиной этого было то, что по ходу всей истории государства считали войну легитимным политическим инструментом. Каждое государство имело право на ведение войны с целью осуществления своих политических, геополитических и других интересов. Международные правовые ограничения относились не к самому праву ведения войны – “*yus ad bellum*”, а только ее методам и способам – “*yus in bello*”. Другими словами, классическое международное право принимало право войны как один из признаков государственного суверенитета, т.е. признавалось право на войну государства, суверенитет которого считался нарушенным.

Впервые на Гаагских конференциях 1899 и 1907 годов с осторожностью были высказаны сомнения на счет неограниченного права государства на войну. Хотя, в итоговом документе конференции – Конвенции не удалось сформулировать специальное положение по однозначному запрещению войны. Конвенция ограничивалась выдвиганием требования к конфликтующим сторонам, чтобы они перед применением оружия использовали все возможности мирного урегулирования. В принятом в 1919 году Лигой Наций Статусе также наряду мирными способами разрешения международных конфликтов, войны принимались как законное средство [18, с. 153–154].

Решающий шаг по всеохватывающему запрещению войны был предпринят 27 августа 1929 года, когда представители 63 стран подписали известный Пакт Бриана–Келлога (Парижское соглашение), который имеет юридическую силу в настоящий момент. Впервые в истории международных отношений запрещение агрессивной войны и принцип разрешения международных конфликтов мирными способами нашли свое юридическое закрепление в Пакте Бриана–Келлога.

После окончания второй мировой войны запрещение агрессии получило свое развитие в Уставе ООН. В пункте 4 статьи 2 указанного Акта не применение силы или угроза силой в международных отношениях был закреплен как основной принцип международного права [1, с. 6]. В связи с актом агрессии Устав ООН использует три концепции, тесно связанные друг с другом. Статья 2 Устава запрещает применение силы и угрозу силой; в статье 39 VII главы предоставляется право применения ответных мер против актов агрессии; а в статье 51 признается право самообороны против вооруженного нападения [16, с. 651].

“Акт агрессии”, отраженной в статье 39 Устава ООН нашло свое охватывающее закрепление в Резолюции ООН “Об определении агрессии” за номером 3314 (XXIX), от 14 декабря 1974 года. Согласно статье 1 указанного документа под понятием агрессией подра-

зумевается то, что все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким–либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций [17, с. 200].

Из указанного определения следует, что речь здесь идет о вооруженной агрессии, т.е. незаконное применении оружия одного государства к другому. Если одно государство оказывает на другое государство экономическое и политическое давление, не сопровождаемое применением вооруженной силы, то это не признается как агрессия. Так как в составе таких действий нет вооруженной агрессии. Следует отметить, что такое применение вооруженной силы также не считается агрессией. Рассмотрение значения выражения “любое другое действие”, употребленного в статье 1 определения в сравнении с целями ООН имеет огромное значение с точки зрения его понимания. Данное выражение предусматривает запрещение применения вооруженных сил, препятствующих осуществлению положений, предусмотренных в Уставе, а также в целях ООН.

Термин “агрессия” происходит от латинского “*aggressio*”, что означает “нападение, нашествие”. В международной практике данное выражение употребляется как “*aggression*” (агрессия), “*act of aggression*” (акт агрессии) и “*crime of aggression*” (преступление агрессии) [8, р. 80–90].

В статье 5 (2) Резолюции об определении агрессии указано, что агрессивная война является угрозой международному миру. Агрессия вызывает международную ответственность. С введения этого положения в определение агрессии, термин “агрессия” фактически превратился в синоним преступлений против мира [3, с. 45].

В современной доктрине уголовного права акт агрессии оценивается как нарушение мира и указывается, что агрессия относится к противоречащим обязательствам “*erga omnes*” категориям правонарушений, т.е. кругу международных преступлений [21, с. 85; 6, р. 101]. Это подтверждается также международной судебной практикой. В *Barselona Traction* деле Международного Суда ООН предусмотрена разница между международными и иными обязательствами государств в отношении к организации. Данное обязательство в международном праве вытекает из запрета на акты геноцида и агрессии, нечеловеческие деяния и действия и все государства заинтересованы (в контексте уникальной юрисдикции) в их защите [5, р. 3].

Несмотря на отнесение преступления агрессии к ряду международных преступлений, в фактическом отношении к данному деянию (преступление международного характера) наблюдается тенденция “мягкого” подхода. В настоящее время, несмотря на то, что по степени опасности агрессия превышает терроризм, эффективность борьбы с агрессией отстает от борьбы с терроризмом. Причина указанного явления в том, что к актам агрессии государства подходят со своих позиций, а также до сих пор Совет Безопасности ООН не дал политико–правовую оценку многочисленным фактам агрессии (например, агрессия Армении против Азербайджана).

В Уставе Нюрнбергского военного трибунала агрессия рассматривается в контексте преступлений против мира. Согласно статье 6 Устава планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий считаются преступлениями против мира [19, s. 16].

Согласно положениям Устава Нюрнбергского и Токийского трибуналов, в том числе требованиям международного общего права и в соответствии практикой государств (*opinio juris*) руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами в целях осуществления такого плана. Учитывая решения Нюрнбергского и Токийского трибуналов, сегодня агрессия образно оценивается как **“преступление руководителей государства”**. Агрессия, как один из видов международного преступления охватывает несколько стадий: 1) приказ об осуществлении акта агрессии; 2) планирование агрессивной войны; 3) подготовка агрессивной войны; 4) начало военных действий; 5) ведение войны.

Участие в совершении акта агрессии должно осуществляться с умыслом и осуществляться пониманием этого дела в рамках агрессивного плана или политики. Необязательно принятие участия субъекта в принятии конкретного решения по войне или миру. Однако он должен принять в таких исключительно важных действиях как участие в подготовке, начале или осуществлении агрессивной войны. Например, командир военно-морских сил Германии адмирал Карл Дёниц также был осужден за участие в агрессивной войне. В данном случае трибунал обосновал свое решение тем, что влияние адмирала Дёница на военные круги Германии было значительным, и сам Гитлер периодически обращался к нему за советом по соответствующим делам. С другой стороны, выдвинутое против бывшего президента Рейхбанка и министра Йальмара Шахта обвинение было ликвидировано, и он получил оправдание. Трибунал решил, что он принимал участие в вооружении только Германии, что не может считаться преступлением. К тому же, он не принадлежал к ближайшему кругу Гитлера [15, p. 507–511]. Международные преступления совершаются государствами в лице их руководителей и другими ответственными должностными лицами. Это означает, что государство, как абстрактная категория, сам по себе не может совершать преступление. Политика, деятельность, поведение государства на различных уровнях является политикой, деятельностью и поведением отдельных лиц, выступающих как государственный орган. Все это создает основание для международной преступной ответственности физических лиц. В решении Нюрнбергского военного трибунала говорится, что “Преступления против международного права совершаются не абстрактными категориями, а людьми и только путем наказания отдельных лиц, совершивших такого рода преступления, можно обеспечить выполнение международных норм права” [15, s. 992]. Естественно, что наказание обвиняемых в совершении агрес-

сии, геноцида и других международных преступлений лиц не освобождает само государство от международной ответственности. Та как, международная норма, запрещающая агрессию, применяется также к действиям государства. Однако государство может совершать преступление агрессии только действиями отдельных лиц [13, p. 69–100].

Из сказанного следует, что уголовная ответственность физического лица за агрессию органично связано с его совершением со стороны государства. На самом деле, преступление агрессии, совершенное государством является необходимым условием для появления уголовной ответственности лица (лиц). Это также означает, что в случае не установления совершения акта агрессии со стороны государства, то или другое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности [2, s. 205–206]. Точнее, нарушение со стороны государства соответствующих норм, составляет основу международно-правовой ответственности самого государства, а планирование, подготовка и осуществление агрессии от имени государства вызывает ответственность физического лица [23, s. 9].

Как известно, согласно статье 39 Устава ООН, Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации, или решает о том, какие меры следует предпринять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности, т.е. это относится к его исключительным полномочиям. При оценке акта агрессии, какие критерии берутся за основу Советом Безопасности? В статье 2 об определении агрессии отмечается, что **применение государством первым вооруженной силы** в ущерб Уставу, является доказательством акта агрессии. Если при определении Советом Безопасности наличия акта агрессии вооруженное нападение и его результаты не имеет серьезный характер, это может быть не принятым актом агрессии. Общее значение данного положения сводится к тому, что в основе конкретных действий государства, квалифицируемых как агрессия, стоит **первенство**. Точнее сказать, первичное использование вооруженных сил считается агрессией тогда, когда это является не несовместимым с принципами и нормами Объединенных Наций, т.е. государство не должно первым воспользоваться вооруженной силой, основываясь на положениях Устава ООН.

Для оценивания того или другого обстоятельства применения вооруженной силы как агрессия, кроме принципа первенства, учитывается также **критерий опасности действия**. Указанный критерий позволяет Совету Безопасности различать друг от друга акт агрессии и применение вооруженной силы, не признанной агрессией.

Одним из важных условий оценивания деятельности государства как агрессия является определение **намерения агрессии**. Из теории права следует, что намерение и ответственность являются взаимосвязанными понятиями. Если оценивать агрессию как преступление, вызывающее международную ответственность, то намерение агрессии должны принимать как элемент намерения. При установлении акта агрессии, Совет Безопасности принимает намерения конфликтующих сторон как важный критерий. В таком случае, учитывание на-

мерения при установлении акта агрессии, можно считать важным фактором, основательно влияющим на решение этого органа [3, s. 47].

Из практики известно, что из-за политических соображений многочисленные факты агрессии не были классифицированы со стороны Совета Безопасности должным образом. Наглядным примером этому можно показать агрессию Армении против Азербайджана, продолжающуюся уже более двадцати лет. Ни в одном из четырех резолюций, принятых Советом Безопасности ООН в связи с этим конфликтом (резолюции номер 822, 853, 874 и 884) ничего не говорится об акте агрессии, о признании Армении агрессором, о совершении международного преступления. Из-за отсутствия соответствующего заключения Совета Безопасности ООН, в этом случае агрессия в правовом понимании не существует [4, s. 120].

Внесение преступления агрессии в правовую рамку, составляет одну из важнейших проблем и задач международных отношений и международного права. Моментами, повышающими актуальность данной проблемы можно считать следующее:

Во-первых, постоянными членами Совета Безопасности ООН также проводились военные операции, без санкции указывающего Совета. Только за последние годы второй половины прошлого века было зафиксировано фактов применения силы между 112 странами. Однако большинство из них остались безнаказанными, а их действия не были признаны мировым сообществом как агрессия или другое нарушение международного права. В настоящее время международным сообществом не установлены четкие границы между агрессией, гуманитарным вторжением и самозащитой.

Во-вторых, неустановленность общепринятого определения агрессии, с одной стороны придавало принимающим со временем сложные формы актам агрессии возможность охватывания, с другой стороны, отсутствие итогового результата способствовало возникновению зависимости обеспечения мира и безопасности и приостановления актов агрессии от политических интересов ведущих государств.

В третьих, наряду с различиями интересов и позиций государств в подходе к вопросу определения агрессии, другая сложность заключается в своеобразии этого вида преступления. Так как, в отличие от других видов международных преступлений, агрессия обладает не только правовой, но и политической природой [11, p. 177]. Другими словами, для обвинения лица в совершении "*двукурочного*" преступления агрессии, должно произойти агрессия одного государства против другого.

В четвертых, так как установление факта совершения государством агрессии является исключительной прерогативой Совета Безопасности, то участие Совета в проведении правосудия за совершение агрессии может вызвать разногласия в вопросах рамок осуществления этого участия, а также между Советом Безопасности как политический орган и Международным Уголовным Судом, как независимым органом международного суда. Следовательно, такие сложные вопросы, как урегулирование отношений между этими органами, должны найти свое позитивное решение.

Известный правовед по международному уголовному праву, профессор Берлинского Университета Гер-

хард Верле отмечает, что прерогатива осуществления уголовного преследования за агрессивную войну должна принадлежать международному судебному органу. Далее автор отмечает, что до внесения в 1988 году дополнений в Статус Международного Уголовного Суда по поводу преступления агрессии, со стороны Совета Безопасности ООН существует возможность создания трибуналов *ad hoc*, которые вправе проводить по соответствующим преступлениям правосудие на основании действующего международного обычного права [16, s. 666].

Соответствующие положения об агрессии в современном международном уголовном праве отражены в Проекте Кодекса преступлений против безопасности человечества (статья 16) и в статье 5 Статуса Международного Уголовного Суда. Ученый юрист-международник О. Солеран верно отмечает, что сегодня проведение переговоров по определению понятия агрессии и ее признаков и ее продолжение приобретает для международного права исключительное значение с точки зрения целей Статуса Международного Уголовного Суда [14, p. 253]. За исключением внесения агрессии в предметную юрисдикцию Международного Уголовного Суда, определение и элементы этого преступления, условия осуществления юрисдикции в отношении к указанному деянию совпадали (главным образом из-за политических взглядов) с различными подходами государств, принимавших участие в Римской конференции. Например, некоторые государства настаивали на четком определении агрессии, с условием не проведения обсуждения со стороны СБ ООН. Другие государства (Турция, Польша, Российская Федерация, США, Франция, Великобритания) считали, что Международный Уголовный суд может получить юрисдикцию на рассмотрение деяния только после принятия Советом Безопасности решения по наличию акта агрессии [22, s. 58]. Именно по этим и другим причинам не стало возможным сформулировать четкое определение и комментарии агрессии. Согласно статье 5 (2), 121 и 123 Статуса, суд может осуществлять юрисдикцию в отношении преступлению агрессия, после принятия положений, отражающих понятие данного преступления и комментирующих условия осуществления юрисдикции. Согласно требованиям, предусмотренным в статье 123 по истечению семи лет после вступления в силу Статуса, разрешается созыв Обзорной конференции в связи с внесением поправок документу.

Обзорная конференция, созванная с целью обсуждения вносимых поправок в Римский Статус, прошла 31 мая – 11 июня 2010 года в столице Уганды, городе Кампала, с участием 4000 представителей более ста государств (представитель Азербайджанской Республики участия в конференции не принимал), негосударственных организаций и гражданских обществ. Среди важнейших вопросов, повлекших в конференции серьезные обсуждения, было формулирование определения агрессии и ее элементов, а также установление пределов судебной юрисдикции в отношении к этому виду преступления, отношения между Уголовным Судом ООН и Советом Безопасности ООН при осуществлении уголовного преследования за агрессорские преступления.

В пункте 1 статьи 8 *bis* итогового документа (Приложение I), принятого на 13-ом пленарном заседании

Обзорной конференции в Кампале, проведенном 11 июня 2010 года под агрессией подразумевается “акт агрессии, грубо нарушающий по своему характеру, серьезности и масштабам Устав ООН, планируемый, подготавливаемый, начинаемый или осуществляемый лицом, осуществляющим фактическое руководство политическими и военными действиями государства или способным контролировать их”. Во 2-ом пункте указанной выше статьи отражены в том же виде положения, предусмотренные в Резолюции 1974 года “Об определении агрессии” [9].

Согласно статье–поправке 15–бис Римского Статуса, суд может осуществить юрисдикцию по агрессии через год после ратификации или момента принятия поправки тридцатью государствами–участниками. Поправка, внесенная в Статус в связи преступным деянием агрессия, вступит в силу 1 января 2017 года, после принятия решения большинством государств–участников.

Заместитель второго председателя Международного Уголовного Суда, доктор юридических наук Ганс Петер Кауль затрагивая значение конференции в Кампале, отмечает, что впервые в истории были созданы конкретные перспективные и уникальные условия для запрещения в международном уголовном праве акта агрессии и криминализованной нормы [10, р. 89].

Исследователи права, отмечая, что определение агрессии принятого конференцией в Кампале не столь однородно, но вносит определенную ясность в некоторые вопросы. Определение, сформулированное в отношении преступления агрессии, ограничивает перечень лиц, предположительно преследуемых за совершение преступного деяния агрессии, рамками лиц уполномоченных “контролировать или управлять политическими и военные действия государства”. Наряду с этим, предусматривается также осуждение лиц в количестве более одного за одинаковое преступление с элементами преступного деяния агрессии. Следует отметить, что предусмотренное в принятом приложении уголовной ответственности не только за начинание и осуществление акта агрессии, но и за планирование и подготовку, вызывает одобрение. Однако, по нашему мнению, сформулированное определение акта агрессии не свободно от некоторых противоречивых моментов. Так оценка акта агрессии как “открыто нарушающий по своему характеру, серьезности и масштабам Устав ООН” способно вызвать определенные недоразумения. Из этого положения следует, что для появления уголовной ответственности за преступное деяние агрессии, акт агрессии по своему характеру, серьезности и масштабам должен перейти определенные черты.

Таким образом, можно сделать определенные выводы путем обобщения вышесказанного:

1) Акт агрессии является самой серьезной и опасной формой незаконного применения силы и по своим катастрофическим последствиям создает потенциальную угрозу международному миру и безопасности, международным правовым порядкам и законности;

2) После первой мировой войны международное сообщество предприняло попытки отказаться от использования войны как политического инструмента и окончательным, решающим шагом в этом направлении было подписание 27 августа 1928 года известного Пакта

Бриана–Келлога (Парижское соглашение) со стороны 63 государств;

3) После окончания второй мировой войны законодательное обоснование запрещения акта агрессии значительно расширилось в Уставе ООН, отказ от применения силы и угрозы силой в международных отношениях были закреплены как основные принципы международного права в 4-ом пункте статьи 2 указанного документа. “Акт агрессии”, отраженной в статье 39 Устава ООН нашло свое охватывающее закрепление в Резолюции ООН “Об определении агрессии” за номером 3314 (XXIX), от 14 декабря 1974 года;

4) В настоящее время существуют международные заключения и декларации (*opinio juris*), а также решения Международного Суда, обосновывающие закрепление агрессии как составную часть норм обычного права;

5) В современной доктрине уголовного права акт агрессии рассматривается как нарушение мира и указывается, что агрессия относится к категории правонарушений противоречащим обязательствам “*erga omnes*”, т.е. к кругу международных преступлений;

6) Согласно статье 5 (2) Постановления о формулировании определения акта агрессии, агрессивная война является преступлением против мира. Агрессия вызывает международную уголовную ответственность;

7) Ответственность физического лица (лиц) за совершение акта агрессии органично связана совершением данного акта со стороны самого государства. На самом деле, агрессия со стороны государства является необходимым условием привлечения лица (лиц) к уголовной ответственности. Это означает еще и то, что в случае не установления совершения акта агрессии со стороны государства, то или другое лицо не могут быть привлечены к уголовной ответственности за совершение акта агрессии;

8) Установление факта совершения государством акта агрессии является исключительной прерогативой Совета Безопасности ООН. К сожалению, не представление со стороны Совета Безопасности ООН политико–правовой оценки многочисленным актам агрессии, вызывает на сегодняшний день определенные сомнения в легитимности деятельности данной организации;

9) За исключением внесения акта агрессии в предметную юрисдикцию Международного Уголовного Суда, определение и элементы данного преступления, условия осуществления юрисдикции в отношении к указанному деянию совпадают с отличающимися подходами государств–участников Римской конференции.

Список использованных источников

1. Устав Организации Объединенных Наций и Статус Международного Суда (на азерб. яз.). – Баку, 2009.
2. Гусейнов Л. Х. Международное право. Учебник (на азерб. яз.). – Баку, 2001.
3. Ибаев В. А. Международное гуманитарное право (на азерб. яз.). – Баку, 2001.
4. Мамедов Р. К. Международное уголовное право и уголовное законодательство Азербайджанской Республики. Монография (на азерб. яз.). – Баку, 2012.
5. Barcelona Traction, Light and Power Co Case (Preliminary Objection). – ICJ Reports, 1970.
6. Cryer R. Prosecuting international crimes: Selectivity and international crimes. – Cambridge, 2005.
7. Dinstein J. War aggression and self-defence. – Cambridge Uni. Press, 2001.
8. Evans M. International law. – Oxford : Oxford University Press, 2003.

9. http://212.159.242.181/iccdocs/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6
10. Hans-Peter Kaul. The International Criminal Court: perspectives after the Kampala review conference // Russian year-book of international law. 2011. Special issue. – Saint-Petersburg, 2012.
11. Mahiou A. Le projet de code des crimes contre la paix et la security de l'humanité, L'Observateur des Nations Unies, 1997.
12. Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Clarendon Press. – Oxford, 1997.
13. Simpson G. Men and abstract entities: Individual responsibility and collective guilt in international criminal law // System criminality in international law / eds. By A.Nollkaemper, H. Van der Wilt. – Cambridge, 2009.
14. Solera O. Defining the crime of aggression. – N.Y., 2007.
15. The trial of German major war criminals, proceedings of the international military tribunal sitting at Nuremberg, Germany. 22 (1950).
16. Верле Герхард. Принципы международного уголовного права: учебник / пер. с англ. – М., 2011.
17. Действующее международное право. В 3-х томах. – М., 1999. – Т.2.
18. Международное право: Учебник / Отв. ред. Г. М. Мелков. – М., 2009.
19. Международное гуманитарное право в документах. – М., 1996.
20. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. – М., 1954. – Т.2.
21. Сафаров Н. А. Преследование международных преступлений: универсальная юрисдикция против дипломатического иммунитета // Государство и право. – 2011. – № 9.
22. Сафаров Н. А. Преступления, подпадающие под юрисдикцию международного уголовного суда и уголовное законодательство стран содружества независимых государств (сравнительный анализ) // Государство и право. – 2004. – № 7.
23. Скуратова А. Ю. Международные преступления: современные проблемы квалификации. – М., 2012.

References

1. Ustav Organizacii Ob#edinennyh Nacij i Status Mezhduнародного Suda (na azerb. jaz.). – Baku, 2009.
2. Gusejnov L.H. Mezhduнародное право. Uchebnik (na azerb. jaz.). – Baku, 2001.
3. Ibaev V.A. Mezhduнародное gumanitarnoe pravo (na azerb. jaz.). – Baku, 2001.
4. Mamedov R.K. Mezhduнародное ugovnoe pravo i ugovnoe zakonodatel'stvo Azerbajdzhanskoj Respubliki. Monografija (na azerb. jaz.). – Baku, 2012.
5. Barcelona Traction, Light and Power Co Case (Preliminary Objection). – ICJ Reports, 1970.
6. Cryer R. Prosecuting international crimes: Selectivity and international crimes. – Cambridge, 2005.
7. Dinstein J. War aggression and self-defence. – Cambridge Uni. Press, 2001.
8. Evans M. International law. – Oxford: Oxford University Press, 2003.
9. http://212.159.242.181/iccdocs/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6
10. Hans-Peter Kaul. The International Criminal Court: perspectives after the Kampala review conference // Russian year-book of international law. 2011. Special issue. – Saint-Petersburg, 2012.
11. Mahiou A. Le projet de code des crimes contre la paix et la security de l'humanité, L'Observateur des Nations Unies, 1997.
12. Ragazzi M. The Concept of International Obligations Erga Omnes. Clarendon Press. – Oxford, 1997.
13. Simpson G. Men and abstract entities: Individual responsibility and collective guilt in international criminal law // System criminality in international law / eds. By A.Nollkaemper, H. Van der Wilt. – Cambridge, 2009.
14. Solera O. Defining the crime of aggression. – N.Y., 2007.
15. The trial of German major war criminals, proceedings of the international military tribunal sitting at Nuremberg, Germany. 22 (1950).
16. Verle Gerhard. Principy mezhduнародного ugovnogo prava: uchebnik / per. s angl. – М., 2011.
17. Dejstvujushhee mezhduнародное pravo. V 3-h tomah. – М., 1999. – Т.2.
18. Mezhduнародное pravo: Uchebnik / Отв. red. G.M. Melkov. – М., 2009.

19. Mezhduнародное gumanitarnoe pravo v dokumentah. – М., 1996.
20. Njurenbergskij process. Sbornik materialov. – М., 1954. – Т.2.
21. Safarov N.A. Presledovanie mezhduнародnyh prestuplenij: universal'naja jurisdikcija protiv diplomaticheskogo immuniteta // Gosudarstvo i pravo. – 2011. – № 9.
22. Safarov N.A. Prestuplenija, podpadajushhie pod jurisdikciju mezhduнародного ugovnogo suda i ugovnoe zakonodatel'stvo stran sodruzhestva nezavisimyh gosudarstv (sravnitel'nyj analiz) // Gosudarstvo i pravo. – 2004. – № 7.
23. Skuratova A.Ju. Mezhduнародnye prestuplenija: sovremennye problemy kvalifikacii. – М., 2012.

Mammadov R. K., Doctor of Philosophy in Law, Associate Professor of Faculty of Law Baku state university (Azerbaijan, Baku), matlabm@yandex.com

On the political and legal aspects of aggression

This article is devoted to one of the major problems of the modern world – on the legal and political aspects of aggression. The author correctly identifies the role of aggression in international relations. Analyzed in detail by statute and various UN resolutions, of the Convention, the international covenants related to the topic of the study, as well as the Charter of the Nuremberg Military Tribunal. It is noteworthy that aggression issues discussed in the context of Armenian-Azerbaijan, Nagorno-Karabakh conflict.

Keywords: aggression, act of aggression, crime of aggression, International Criminal Court, Barselona Traction, international criminal law, international relations.

Mamedov P. K., доктор філософії по праву, доцент факультету права, Бакинський державний університет (Азербайджан, Баку), matlabm@yandex.com

Про політичні та правові аспекти агресії

Справжня стаття присвячена одному із значних проблем сучасного світу – питань правових та політичних аспектів агресії. Автор правильно визначає роль агресії в міждержавних відносинах. Детально аналізується статут і різні резолюції ООН, Конвенції, міжнародні пакти, пов'язані з досліджуваною темою, а також Статут Нюрнберзького військового трибуналу. Примітно, що питання агресії розглядаються в контексті Вірмено-Азербайджанського, Нагірно-Карабахського конфлікту.

Ключові слова: агресія, акт агресії, злочин агресії, Міжнародний Кримінальний Суд, Барселона Тракшн, міжнародне кримінальне право, міжнародні відносини.

* * *

УДК 321.01

Робочий І. А.

доктор політичних наук, професор,
завідувач кафедри філософії та політології,
Національна металургійна академія України
(Україна, Дніпропетровськ), Robochij@mail.ru

ПОЛІТИЧНИЙ ТЕРОРИЗМ ЯК РІЗНОВИД НАСИЛЬНИЦЬКИХ ФОРМ ПОЛІТИЧНОЇ БОРОТЬБИ

Констатується, що насильницькі засоби та методи політичної боротьби, як і ненасильницькі, надзвичайно різноманітні. Кожний з них має свої, лише йому властиві особливості та специфіку застосування. Одним із них є політичний тероризм, як найбільш крайній, найбільш жорсткий метод насильницької політичної боротьби. Вивчення основних механізмів його детермінації та умов функціонування сприяє створенню комплексної стратегії боротьби з політичним тероризмом.

Ключові слова: насильницькі та ненасильницькі форми політичної боротьби, політичний тероризм, політичний екстремізм, об'єкт та суб'єкт політичного тероризму, міжнародний тероризм.

Початок третього тисячоліття сучасна цивілізація зустріла сплеском тероризму, який поширився в багатьох країнах. Загострення боротьби за сфери впливу між різними соціальними силами, політичними ідеологіями, блоками, союзами, міжнародними організаціями, в тому числі етнічного і конфесійного характеру, часте застосування суб'єктами політики терористичних методів боротьби стало однією з головних проблем, які заважають стійкому розвитку суспільства. З'явилося більше джерел політичного тероризму,

Збірник наукових праць "Гілея: науковий вісник"